

УДК 94(476)«17/18»

## Политико-правовые аспекты присоединения униатов к Русской православной церкви в 1772–1840 гг.

Шевкун П.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», Витебск*

*В статье раскрываются политико-правовые аспекты конфессиональной политики российских властей на территории Беларуси в 1772–1840 гг. Анализируется процесс формирования правовой базы укрепления православной церкви путем присоединения к ней униатов. Показаны основные факторы, определившие специфику подхода российского правительства к юридическому оформлению привилегий православной церкви на территории Западных губерний империи. Обозначены проблемы, стоявшие перед российскими властями при разграничении привилегий православной церкви и «религиозных свобод», предоставленных Екатериной II неправославному населению территорий, присоединенных от Речи Посполитой. Выделены особенности подходов Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I к рассматриваемой проблеме. Отмечена непоследовательность политики Николая I в вопросе присоединения униатов к православию, обусловившая неоднозначность оценки обстоятельств ликвидации унии в Западных губерниях Российской империи в 1839–1840 гг.*

**Ключевые слова:** конфессиональная политика, Западные губернии, православные епархии, уния.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 69–76)

## Political and legal aspects of Uniate joining the Russian Orthodox Church in 1772–1840

Shevkun P.V.

*Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

*The article presents political and legal aspects of the confessional policy of Russian authorities on the territory of Belarus in 1772–1840. Process of setting up legal basis for strengthening the Orthodox Church by joining Uniates to it is analyzed. Main factors, which made up the specificity of the Russian authorities' approach to legal building up privileges for the Orthodox Church on the territory of Western Regions of the Empire, are pointed out. Problems are singled out, which Russian authorities had while defining the privileges of the Orthodox Church and “religious freedoms”, which Catherine II granted to the non Orthodox population of the territories, which were joined from Retch Pospolita. Peculiarities of the approaches by Catherine II, Paul I, Alexander I, and Nicolas I to the issue are stressed. Incoherence of the policy by Nicolas I in joining Uniates to the Orthodox Church, which caused non straightforwardness of the evaluation of the circumstances of the liquidation of Unia in Western regions of the Russian Empire in 1839–1840, is singled out.*

**Key words:** confessional policy, Western regions, Orthodox dioceses, Unia.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 69–76)

В последней трети XVIII в. белорусские земли были включены в состав Российской империи. Самыми массовыми

конфессиями к концу XVIII в. на них были униатство, католицизм и православие. Правовое регулирование межконфессио-

нальных отношений определялось законодательными нормами (привилегиями), предоставленными Екатериной II не православному населению присоединенных территорий и православной церкви, как господствующему вероисповеданию. Последовательность развития правовых норм базировалась на принципе легитимизма, в рамках которого династическая преемственность проявлялась и в законодательной сфере. Одним из острых вопросов политики российских властей на присоединенных территориях являлся вопрос правового оформления особого отношения православных властей империи к униатству.

В исторической литературе рассматриваемая проблематика не стала предметом специального исследования. Она затрагивается в работах, посвященных процессу ликвидации Брестской унии. В досоветской историографии утвердились подходы, опирающиеся на конфессиональные оценки событий вокруг униатской церкви. Исследователи, лояльно настроенные к православной церкви, трактовали события как однозначно позитивные и справедливые, противоположный, «католический» лагерь видел в них грубое нарушение целостности католической церкви в империи. В современных исследованиях господствуют негативные характеристики. Они даются на основании соответствия политики правительства в вопросе присоединения униатских епархий к Русской православной церкви (далее – РПЦ) современной трактовке фундаментального права «свободы совести». Между тем, Россия конца XVIII – первой половины XIX в. являлась страной, по преимуществу жившей нормами традиционного общества, в котором только набирали силу модернизационные процессы. Поэтому процесс ликвидации униатства носил более сложный, неоднозначный характер и он не может быть оценен в правовой плоскости как однозначно негативный или позитивный.

Цель работы – выявление особенностей политико-правового регулирования процесса укрепления православной церкви путем присоединения униатов в

1772–1840 гг.

**Материал и методы.** Историческое исследование проведено на основе анализа документов Национального исторического архива Беларуси, Полного собрания законов Российской империи, воспоминаний участников рассматриваемых событий. В процессе подготовки были использованы специально-исторические методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный метод.

**Результаты и их обсуждение.** После первого раздела Речи Посполитой населению присоединенных территорий Екатерина II гарантировала возможность в «...совершенной и ничем не ограниченной свободе в публичном отправлении их веры, также и при законном каждом владении и имуществе» [1, т. XIX, с. 555]. Эти привилегии подразумевали сохранение собственности религиозных организаций, а также осуществление их деятельности согласно внутренним каноническим нормам. В 1793 и 1795 гг. привилегии были распространены и на новые территории, отошедшие к империи от Речи Посполитой. Наиболее сложной проблемой правового регулирования были отношения между православными, униатами и католиками.

Католическая церковь была представлена в это время двумя административными структурами: униатской и собственно католической. Привилегии распространялись на оба обряда. Православию как господствующему вероисповеданию была предоставлена возможность присоединять к себе последователей других конфессий, установлен запрет на переход из православного в какое-либо другое исповедание, а также гарантирована административная и экономическая поддержка. Учитывая необходимость соотнесения «свободы вероисповедания» и привилегий православия, наиболее удобным способом перехода в «благочестие» являлось добровольное выражение согласия на него со стороны предполагаемого кандидата. В условиях господства землевладения католических помещиков и отсутствия у православной церкви в крае необходимых для актив-

ной миссионерской деятельности интеллектуальных и финансовых ресурсов, подобная практика могла привести к единичным случаям переходов, никак не влияющим на положение в обществе той или иной конфессии.

С подобным сценарием межконфессионального взаимодействия не могло согласиться местное православное духовенство, которое в вопросе отношения к униатам способствовало формированию в Петербурге представления о том, что те стремятся вернуться в «лоно прародительской веры». Об этом 10 марта 1773 г. говорил императрице Могилевский епископ Георгий (Коницкий). 19 марта 1773 г. он же прислал в Св. Синод 25 прошений униатских священников о переходе в православие с уверениями о насильственном происхождении унии и стремлении оставшихся верующих последовать их примеру. Они утверждали, что единственным фактором сохранения унии являются угрозы помещиков и униатских священников, не желавших переходить в православие [2, с. 150, 151]. Правительство Екатерины II оказалось в затруднительном положении. С одной стороны, власти не могли игнорировать интересы православия, с другой – масштаб возможного перехода мог иметь отрицательные социальные и политические последствия, поскольку был очевидным нарушением привилегий, предоставленных императрицей населению присоединенных территорий. Таким образом, оформился «униатский вопрос», решение которого затянулось на десятки лет.

В мае 1780 г. Екатерина II пошла на компромиссный вариант, разрешив присоединения униатов в вакантных приходах. Генерал-губернатора обязали поручить «людям надежным спрашивать и на верное осведомляться от прихожан, желают ли они иметь священника Нашего православного восточного закона...» [1, т. XX, с. 954]. При условии согласия прихожан, присоединять разрешалось целыми приходами, при этом сам процесс должен был контролироваться администрацией. Избежать противодействия со стороны помещиков планировалось сек-

ретностью проводимых опросов. Сохранить секретность не удалось и уже спустя несколько лет эти мероприятия прекратились. Их итогом был переход 80 униатских приходов в православие [2, с. 156].

Следующим важнейшим этапом на пути правового оформления привилегий православия явился 1794 г. На фоне событий Великой французской революции и восстания под руководством Т. Костюшко Екатерина II склонилась к более решительной административной поддержке присоединения униатов к православию. В 1794 г. была опубликована «Пастырская грамота архиепископа Виктора к Униатам, о свободном их возвращении в недра Православной церкви». В ней содержался призыв «всех и каждого пола и возраста в пастве нашей обитающих, которых праотцы, отцы, или и сами они лестию и страхом от благочестия совращены в Унию с Латинами, возвратиться безбоязненно в объятия Православной Восточной церкви». При этом гарантировалось «не попустить, чтоб кто-либо обращающийся в веру Православную в Империи Ея господствующую, кольми же паче те, которых предки, или сами они из недр благочестия коварно и насильно изторгнуты, малейшие обиды или угнетения претерпели, в чем по воле Ея Монаршей установленные начальства иметь будут бдение...». В указе 24 апреля 1794 г. Минскому генерал-губернатору Т.И. Тутомлину содержалось требование обеспечить защиту «обращающимся в благочестие» от «притеснения и обид». Подобного рода преступления приравнивались к уголовным и влекли секвестр имения до окончания дела. Отдельно указывалось, чтобы крестьяне, принимающие православие, не решились «уклониться от повиновения помещикам своим, или же к другим своевольствам». В январе 1795 г. в очередном указе генерал-губернатору императрица была вынуждена подчеркнуть, чтобы «всякий вид принуждения и насилия» был исключен с «обоюдных сторон» [1, т. XXIII, с. 509, 510, 512, 617].

Результатом законодательных инициатив Екатерины II было идеологическое и, в основных моментах, юридиче-

ское оформление особого отношения российских властей к униатству. Властям удалось провести границу между привилегиями, данными православия и другим религиозным объединениям. Правительство обосновало свои особые ожидания в отношении униатов, не отменяя, а наоборот, подчеркивая принцип добровольности при принятии в православие. Власти в этом вопросе исходили из трудно реализуемого допущения о возможности изолировать прихожан униатов от своих священников и крепостных крестьян от помещиков. Такая модель была сформирована на основании донесений православной стороны, прежде всего Могилевского епископа Георгия (Конисского) и после смерти Екатерины II была подвергнута коррекции.

Новый император Павел I столкнулся с возросшим количеством жалоб на действия православной стороны и конфликтами на местах. В присоединенных приходах ситуация была нестабильна и угрожала уже позициям самой православной церкви. Практика реализации указов все более входила в противоречие с принципом добровольности и могла трактоваться как проявление деспотизма со стороны властей. В сложившихся условиях император принял ряд указов, направленных на восстановление «спокойствия в обществе» и защиты позиций православной церкви. В манифесте 18 марта 1797 г. указывалось, чтобы представители «римско-католического исповедания» не привлекали православных в свою конфессию и «не стесняли бы свободы тем, кои по добровольному руководству совести сами от других исповеданий к Православной Церкви присоединиться возжелают». В качестве пояснения к манифесту в апреле 1797 г. губернаторам был разослан указ, в котором основной задачей конфессиональной политики значилась: «сохранить между обитателями различного закона тишину и спокойствие» [1, т. XXIV, с. 513, 524].

Этими указами Павел I расставлял

приоритеты проведения той политики, которую инициировала Екатерина II, но в них не нашли развития принятые ранее правовые нормы в вопросе присоединения к православию. Сенатским указом 1 февраля 1800 г. были обобщены и восполнены пробелы правового регулирования межконфессиональных отношений, в центре которых находилась униатская церковь. В законе была подчеркнута необходимость соблюдения привилегий православного вероисповедания и принята норма контроля при составлении прошения о присоединении к православию со стороны униатов. Его необходимо было производить при депутате или чиновнике «содержащих Римское исповедание». В спорных случаях критерием добровольности являлось «принятие Святых Таин от священников Греко-Российского исповедания и в продолжении времени заимствованием от них Духовных треб». В этом же указе содержался запрет на «привлечения Униатов в Римско-Католический закон» [1, т. XXVI, с. 30]. Данными положениями в основном было определено правовое регулирование процесса принятия в православие униатов. Предполагалось наличие у них естественного стремления к православию, оформленного как добровольно выраженное согласие при представителе католической стороны. Были зафиксированы нормы наказания за противодействие реализации привилегий православной церкви как господствующего вероисповедания, а также обязанности властей по их поддержанию.

Российский император Александр I соблюдал преемственность государственной политики в «униатском вопросе». 4 июля 1801 г. Могилевский епископ Анастасий (Братановский) отправил на имя императора письмо с просьбой о возобновлении мероприятий Екатерины II по присоединению униатов. 4 августа 1801 г. последовал ответ митрополита Амвросия (Победова) по поручению императора, в котором была подчеркнута недопустимость принуждения униатов к принятию православия, а при-

влекать допускалось только демонстрацией человеколюбия, гласом поучений, примерной жизнью духовенства. Указ Св. Синода предписывал белорусским иерархам руководствоваться мыслями Государя и указом от 24 сентября 1797 г. [3, с. 60, 61].

В 1802 г. в среде католического и униатского духовенства распространились слухи «будто униатское исповедание уничтожится и им дано на волю присоединяться и быть благочестивыми или прямо римлянами». В итоге многие униатские приходы были переведены в католичество.

5 мая 1803 г. император сделал строгое предписание местным властям, «чтобы никак не допускали вы слухам сего рода распространяться, поступая по законам со всеми теми, кои в оных будут уличаемы ... Ответственных арестовать и содержать под стражею впредь до повеления». Одновременно был дан указ католическому митрополиту Сестренцевичу о пресечении «столь нелепых и вредных тишине совести толков». 4 июля 1803 г. последовало распоряжение губернскому начальству о том, что оно обязано «...всеми мерами защищать униатов в притеснениях, судах и следствиях, какие местные католические консистории против них употреблять могут». Подобное внимание было обосновано тем, что «сближение Унии с Православным Греческим исповеданием дает ей право на сие покровительство» [1, т. XXVII, с. 584, 585, 722, 723].

21 июля 1810 г. сенатским указом было подтверждено гражданским департаментам «наблюдать за не обращением из одного обряда в другой, желающим же принять господствующую веру чтобы препятствий не чинили». 8 августа 1810 г. был установлен срок давности для возврата перешедших из унии в католичество. Рубежом был выбран 1798 г., так как в 1799 г. последовал первый указ, запретивший «подговаривать на переходы» в католичество [1, т. XXXI, с. 277, 278, 307, 308]. В последующие годы Александр I не возвращался к данной проблеме.

Император Николай I унаследовал оформленный правовой комплекс, регули-

ровавший на основании предоставленных привилегий отношения между основными конфессиями белорусских земель. Принятые законы позволяли избегать обвинений в деспотизме или наоборот безразличии к нуждам господствующего исповедания. При этом можно было использовать модель жесткой (екатерининской) политики в отношении укрепления православия путем присоединения униатов или мягкой (либеральной), которая была характерна для Павла I и Александра I.

В первые годы правления Николай I продолжил либеральную политическую линию регулирования межконфессиональных отношений предыдущего правления. Однако особенности идеологии, восстание в Царстве Польском и волнения на российских территориях бывшей Речи Посполитой в 1830–1831 гг. послужили основанием к пересмотру конфессиональной политики в сторону ее ужесточения. 28 ноября 1831 г. созданным накануне Комитетом Западных губерний обсуждался комплекс мер, направленных на «поддержание достоинства нашей Церкви и к распространению Православия в том крае» [4, с. 439]. Одновременно произошла смена православных архиереев в западных губерниях. В 1832 г. правительство инициировало усиление миссионерской деятельности православного духовенства в отношении униатов при активной административной поддержке.

Порядок присоединений определялся на основании указа Сената от 1 февраля 1800 г. [5]. За противодействие желанию принять православие подчеркивалась уголовная ответственность на основании указа от 24 апреля 1794 г. Радикальное предложение генерал-губернатора князя Н.Н. Хованского, сделанное им в начале 1833 г., о целесообразности административного решения «униатского вопроса» Комитетом министров одобрено не было [6, с. 153]. Николай I задействовал весь легитимный арсенал средств для укрепления православия за счет присоединения униатов. Император стремился избежать нарушения свободы вероисповедания, предоставленной Екатериной II на-

селению присоединенных земель Речи Посполитой, рассчитывая на достижение приемлемого уровня лояльности со стороны католической аристократии империи.

С целью активизации процесса присоединений в 1833 г. была открыта Полоцкая епархия. В процессе ее организации, в регионе с сильными позициями униатства, была установлена новая парадигма взаимодействия губернских и епархиальных властей. Она подразумевала не только тесный союз высшей российской бюрократии западных губерний с православной иерархией региона, но и усиление контроля со стороны государства над деятельностью православного духовенства.

Генерал-губернатор Н.Н. Хованский, Витебский военный губернатор Н.И. Шредер по указаниям центральных властей обязаны были оказать миссионерам государственную поддержку, защитить позиции православной церкви, обеспечить контроль над соблюдением формальных правил при присоединениях униатов. Для координации действий духовенства и администрации выделялись чиновники по особым поручениям [7, с. 428]. С целью подавления возможной оппозиции правительственному курсу власти следили за католической аристократией.

Тем не менее, сопротивления аристократии избежать не удалось. 7 декабря 1834 г. было составлено обращение к императору дворянства Витебской губернии, подписанное 172 помещиками, о злоупотреблениях в процессе обращения униатов в православие. Император утвердил мнение генерал-губернатора по этому поводу, в котором тот предлагал «дворянство, участвовавшее в составлении сего акта, вразумить в неосновательности» их жалобы, а «предложенное открытое собрание сведений об образе воссоединения совершенно воспретить, но предоставить каждому, в частности, полную свободу изъявлять свое неудовольствие...». Вместе с тем, министр внутренних дел Д.Н. Блудов напомнил местным духовным и светским властям, чтобы они действовали на основании императорской резолюции 1833 г.: «действовать в сем деле (присоединении униатов. – *III.II*) осторожно и неторопливо»

[6, с. 154].

В июле 1834 г. по распоряжению Н.Н. Хованского было разослано указание местным архиереям, чтобы «в отращение могущих произойти каких-либо неприятных последствий» духовенство, в случае согласия на присоединение униатов целой деревни, не приступало «само собою к таковому присоединению», а сообщало гражданской администрации [8]. В первой половине 1835 г. было присоединено не более пяти приходов, в то время как волнения происходили в двенадцати [6, с. 133, 178].

Противодействие правительственным планам привело к тому, что к 1836 г. в высших кругах сформировалось представление о предпочтительности плана присоединения униатов, с которым выступила в начале 1830-х гг. лояльно настроенная часть униатской иерархии. Он заключался в подготовке общего, во главе с иерархией, включения униатских епархий в состав РПЦ. Изначально этот проект в Петербурге не рассматривался в качестве основного, поскольку не имел практики реализации и законодательно не был предусмотрен. Он небезосновательно мог трактоваться как произвол властей, поскольку превосходил рамки реализации привилегий православия как господствующего вероисповедания и грубо вторгался в юрисдикцию католической церкви. Тем не менее, этот проект, хотя и подразумевал более высокие политические риски, но при осуществлении представлялся удобным.

В июне 1836 г. был смещен обер-прокурор С.Д. Нечаев. Осенью последовали отставки и местных государственных чиновников. 15 сентября вместо Н.Н. Хованского генерал-губернатором назначили П.Н. Дьякова. 17 сентября на место Витебского губернатора Н.И. Шредера был прислан И.С. Жиркевич. 5 июня 1837 г. Полоцкого епископа Смарагда (Крыжановского) перевели в Могилев. 12 февраля 1839 г. в Полоцке был подписан соборный акт, в котором высшее духовенство объявляло о присоединении к РПЦ [9, т. XIV, с. 576–578].

Правительство пыталось смягчить негативное впечатление от нарушения привилегий «свободы вероисповедания»,

трактуя события 1839 г. как «воссоединение», чем подчеркивалась «преемственность» политики в вопросе присоединения униатов. Хотя это и была довольно неуклюжая попытка придать легитимность осуществленным мероприятиям, но она демонстрировала исключительность подобной меры. Власти хотели показать католической стороне, что отношение к униатству не является прецедентным и носит чрезвычайный характер. В столице опасались, что эти действия будут восприняты как угроза существованию самой католической церкви в регионе, в результате чего политические последствия могут быть непредсказуемыми.

Правовая уязвимость принятых решений требовала сохранения секретности, а униатскому духовенству создавались максимально допустимые комфортные условия. 3 апреля 1839 г. в Белорусской епархии были обнародованы указы о присоединении униатов решением епископа Василия (Лужинского). Обер-прокурор Н.А. Протасов был крайне обеспокоен и указывал на ответственность епископа «в случае худых последствий» [10, с. 169]. В.В. Скрипичину, присланному из Петербурга наблюдать за положением дел в западных губерниях, была доставлена инструкция, которая наглядно иллюстрирует опасения правительства. В ней обер-прокурор настаивал на оставлении дела присоединения в том виде, в котором оно есть. Указывал везде лично наблюдать, «чтобы не были изменяемы никакие вкоренившиеся временем так называемые униатские обряды, молитвословия и другие обычаи...», «строго наблюдать за действиями православных духовных лиц, чтобы они не смущали бывших униатов неуместными замечаниями касательно несходства обычаев», «не подвергать без особого разрешения взысканию священников, кои не подражали бы кафедре в поминовении (Св. Синода. – *Ш.П.*)» [11, с. 58]. Опасения правительства оказались преувеличенными. Процесс объединения униатских епархий с православными в 1840 г. прошел без масштабных протестов.

**Заключение.** Таким образом, в 1772–1840 гг. были оформлены правовые нормы, зафиксировавшие особенности от-

ношения российских властей к проблеме укрепления православной церкви путем присоединения униатов. В правлении Екатерины II были выработаны положения, обосновавшие особое внимание российской власти к униатству. Оно стало рассматриваться как «естественный» объект миссионерских устремлений православного духовенства и основной источник численного роста РПЦ в западных губерниях империи. Павел I и Александр I подтвердили и закрепили принцип добровольности при присоединении к православию и целостности униатской церкви в рамках католичества. В это время удалось найти формулировки, которые позволяли совместить привилегии православной церкви как господствующей, с привилегиями «свободы вероисповедания» на российских территориях Речи Посполитой. Законодательная база была достаточно гибкой и позволяла проводить как более жесткую линию в отношении униатов, так и более либеральную. Пример первой продемонстрировала Екатерина II, пример второй – Павел I и Александр I. Восстание 1830–1831 гг. стало поворотным пунктом, после которого император Николай I отказался от либеральной модели и взял курс на ликвидацию униатской церкви. В 1832–1836 гг. на основании законодательства предшествующих правлений использовалась «екатерининская» модель решения «униатского вопроса». Поскольку ее возможности оказались достаточно ограниченными и не позволяли присоединить абсолютное большинство униатов к православию, император склонился к варианту, предложенному частью лояльно настроенной униатской иерархии, то есть плану «общего» объединения с РПЦ. Несмотря на то, что осуществление этого проекта являлось грубым нарушением дарованных Екатериной II привилегий, он был реализован в западных губерниях Российской империи в 1839–1840 гг.

### Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отдел. Соб. Е.И.В. канц., 1830–1849.

2. Анішчанка, Я.К. Беларусь у часы Кацярыны II / Я.К. Анішчанка. – Мінск: Веды, 1998. – 211 с.
3. Коялович, М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен / М.О. Коялович. – СПб.: Тип. Втор. отдел. Соб. Е.И.В. канц., 1873. – XII, 400 с.
4. Уния в документах / сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева. – Минск: Бел. Экзархат, 1997. – 518 с.
5. Дело о насильственном присоединении прихожан Драгомичской униатской церкви Борисовского уезда в православное вероисповедание. 1834 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 10310. – Л. 1 об.
6. Шавельский, Г.И. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / Г.И. Шавельский. – СПб.: Тип. «Сельского вестника», 1910. – 494 с.
7. Письма епископа Полоцкого Смарагда к князю Н.Н. Хованскому // Русский архив. – 1891. – Кн. 8. – С. 427–440.
8. Дело о получении указа Могилевской духовной консистории о вменении в обязанность священнослужителям предварительно сообщать гражданскому началу о присоединении крестьян всей деревни из униатского вероисповедания в православное. 1834 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). – Фонд 3021. – Оп. 2. – Д. 338. – Л. 1.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отдел. Соб. Е.И.В. канц., 1830–1884.
10. Записки Василия Лужинского архиепископа Полоцкого. – Казань: Тип. имп. ун-та, 1885. – 312 с.
11. Чистович, И.А. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православною церковью западно-русских униатов / И.А. Чистович. – СПб.: Синодальная типография, 1889. – 64 с.

*Поступила в редакцию 20.04.2012 г.*

*Принята в печать 25.06.2012 г.*